

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-349-356>

Шифр научной специальности 5.1.4

К вопросу о формировании криминального профессионализма в деятельности мошенников дореволюционной России

© ЗАРУБИНА Кристина Александровна,

преподаватель кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, <https://orcid.org/0000-0003-2725-6906>, kris1996z@mail.ru

Аннотация

К началу XX века в России сформировалась сплоченная и монолитная «каста» преступников-профессионалов. Их деятельность отличалась особой опасностью, устойчивостью во времени и пространстве, а также постоянством, неконтролируемостью развития, многообразием форм криминальных «промыслов» и высокой степенью защиты от социально-правового контроля. Целью исследования является анализ проблемы формирования криминального профессионализма в деятельности дореволюционных мошенников в России. Определено, что возникновение отечественного профессионального мошенничества произошло в XVIII веке. В этот период в российском законодательстве впервые нормативно закрепляется юридическая конструкция основного состава мошенничества, близкого к современному понятию, а в деятельности известных профессиональных преступников обнаруживаются отдельные характерные черты совершения мошеннических действий на профессиональной основе. Доказано, что окончательно криминальное сообщество мошенников-профессионалов складывается в России в XIX – начале XX века. В это время в деятельности мошенников обнаруживаются основные признаки криминального профессионализма. К началу XX века профессиональные мошенники занимают «почетное» место в криминальной иерархии, приобретают узкие специализации и соответствующую квалификацию, необходимую для совершения преступлений и обеспечения собственной безопасности, неуязвимости от уголовного преследования, а также значительно укрепляют связи в преступном мире, в том числе активно поддерживая и преумножая ценности криминальной субкультуры.

Ключевые слова

криминальный профессионализм, признаки профессиональной преступности, мошенничество, профессиональные мошенники, повторность, криминальная субкультура, криминальная специализация

Благодарности

НИР подготовлена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Для цитирования

Зарубина К.А. К вопросу о формировании криминального профессионализма в деятельности мошенников дореволюционной России // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 349-356. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-349-356>

On the issue of criminal professionalism development in the activities of fraudsters in pre-revolutionary Russia

© Kristina A. ZARUBINA,

Lecturer of Theory and History of State and Law Department, Southwest State University, 94 50 let Oktyabrya St., Kursk, 305003, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2725-6906>, kris1996z@mail.ru

Abstract

By the beginning of the 20th century, a cohesive and monolithic “caste” of professional criminals had formed in Russia. Their activities were distinguished by their particular danger, stability in time and space, as well as constancy, uncontrollability of development, diversity of forms of criminal “trades” and a high degree of protection from social and legal control. The aim of the study is to analyze the problem of the development of criminal professionalism in the activities of pre-revolutionary fraudsters in Russia. It is determined that the emergence of domestic professional fraud occurred in the 18th century. During this period, the legal structure of the basic elements of fraud, close to the modern concept, was first formally established in Russian legislation, and certain characteristic features of committing fraudulent acts on a professional basis were discovered in the activities of well-known professional criminals. It is proven that the final criminal community of professional swindlers was formed in Russia in the 19th – early 20th century. At this time, the main signs of criminal professionalism were revealed in the activities of fraudsters. By the beginning of the 20th century, professional fraudsters occupy an “honorable” place in the criminal hierarchy, acquire narrow specializations and the corresponding qualifications necessary to commit crimes and ensure their own safety, invulnerability from criminal prosecution, and also significantly strengthen their connections in the criminal world, including actively supporting and increasing the values of the criminal subculture.

Keywords

criminal professionalism, professional crime signs, fraud, professional fraudsters, repetition, criminal subculture, criminal specialization

Acknowledgements

The research is prepared within the framework of the state task for 2024 “Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state” (number 0851-20200033).

For citation

Zarubina, K.A. (2024). On the issue of criminal professionalism development in the activities of fraudsters in pre-revolutionary Russia. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 3, pp. 349-356. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-3-349-356>

Введение

Впервые в отечественном законодательстве понятие мошенничества было нормативно закреплено в Судебнике 1550 г. Статья 58 предписывала привлечение к уголовной ответственности мошенника посредством назначения такого же наказания, что и вору (преступника приговаривали к смертной казни)¹. Однако, несмотря на выделение данного состава преступления в качестве самостоятельной юридической конструкции, никаких разъяснений относительно объективной стороны законодатель не давал.

Известный ученый-правовед и криминолог XIX – начала XX века И.Я. Фойницкий справедливо отмечал, что «состав мошенничества по Судебнику 1550 г. восстановить очень трудно, так как законодатель того времени еще не давал своих определений преступления, полагаясь на юридическое чувство народа». Однако ученый тут же подчеркивал, что под мошенническими действиями в данном случае необходимо понимать мелкую кражу [1, с. 23-27]. Некоторые современные исследователи также полагают, что в рассматриваемый период мошенничество отождествлялось с одной из разновидностей тайного хищения чужого имущества, поскольку в статье 58 Судебника 1550 г. этот

¹ Судебник 1550 года. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1550> (дата обращения: 12.03.2024)

состав преступления приравнивался к краже [2].

Другие исследователи, соглашаясь с мнением другого известного дореволюционного ученого-правоведа России М.Ф. Владимирского-Буданова [3, с. 149-150], указывают, что в Судебнике 1550 г. при выборе термина «мошенничество» законодатель руководствовался иными установками, полагая, что указанный состав преступления расценивался как особая разновидность кражи, при которой потерпевший знал преступника, похитившего его имущество, что исключало тайный характер совершения преступления. Для подтверждения данной позиции приводится следующий аргумент. Современные ученые указывают, что кошелек в исследуемый период именовали «мошной», и «заполучить» его было возможно только посредством применения различных уловок, отвлекающих внимание жертвы, то есть обманом. Это, как замечают исследователи, смещает акцент при характеристике данного состава преступления со способа изъятия имущества на предмет – «мошну», откуда и берет свое название это преступление [4, с. 248-249]. Принимая во внимание низкий уровень развития юридической техники в рассматриваемый период, считаем указанную точку зрения более верной. В связи с этим можно утверждать, что уже с XVI века в России особое распространение получает мошенничество, как одна из форм хищения чужого имущества с помощью обмана. При этом в дальнейшем, по мере развития государства, изменения структуры и содержания отечественного преступного мира мошенничество заметно трансформировалось, став не просто «разовым» способом извлечения материальной выгоды от совершения преступления, а самым настоящим преступным «ремеслом» для части мошенников, промышленяющих на постоянной основе подобными криминальными «заработками», – будущих преступников-профессионалов.

Цель исследования – анализ проблемы формирования криминального профессионализма в деятельности дореволюционных мошенников в России. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определить время зарождения профессионального мошенничества в России; изу-

чить эволюцию отечественного дореволюционного законодательства, предусматривающего ответственность за совершение мошенничества; выявить особенности формирования признаков криминального профессионализма в преступной деятельности дореволюционных мошенников в России.

Методы исследования

В процессе работы над рассматриваемой проблемой использовались методы обобщения, анализа, синтеза, формально-юридический, сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования, обсуждения

Впервые в отечественном законодательстве нормативное разграничение разных видов хищений (а именно мошенничества и кражи) произошло в XVIII веке. В указе от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях» в зависимости от характера совершения антиобщественного деяния выделяются три рода воровства: воровство-грабеж, воровство-мошенничество и воровство-кража. Причем под воровством-мошенничеством законодатель подразумевает совершение воровства на торгу или в ином многолюдном месте. Особо в законе подчеркивалось, что таким образом можно совершить не только карманную кражу, но и хищение «обманом или вымыслом», что сближает конструкцию данного состава преступления с современным уголовно-правовым пониманием мошенничества².

Примечательно, что именно с XVIII веком связаны письменные упоминания о деятельности первых профессиональных мошенников в России. Так, например, известного преступника-профессионала XVIII века Ваньку Каина в криминальных кругах именовали не просто вором, а вором и мошенником [5, с. 7]. В описаниях жизни Ваньки Каина замечалось, что территории совершения хищений между преступниками были поделены, и у каждого было «свое место» для мошенничества.

² О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях: Именной указ от 3.04.1781, данный сенату. URL: <http://base.garant.ru/58105240/#friends> (дата обращения: 30.01.2024).

Также у профессиональных мошенников в это время создается и активно развивается свой собственный язык [6], который впоследствии исследователи станут именовать «арго», или криминальный жаргон (неотъемлемый атрибут криминальной субкультуры). По замечанию современников, в это время мошенниками использовались «многие выдуманные ими слова, которых, кроме них, никто не разумел» [7, с. 93]. Например, «вора» в XVIII веке преступники именовали «брат нашего сукна», мошенничать означало «подавать милостыню». Жертвы преступления именовались «сырыми», а вместо слова «тревога» преступники употребляли выражение «мелкая раструска». Тюрьма называлась «каменным мешком», а застенки – «немошной баней». Интересно, что в стандартных для мошенника ситуациях преступники также использовали типичные выражения. К примеру, если преступник попадал в тюрьму, то «коллеги» по криминальному «ремеслу» нередко давали взятку сотруднику исправительного учреждения, для того чтобы освободить осужденного. В этом случае полагалось говорить: «овин горит, а молотильщики обедать просят» [8].

Кроме того, важно отметить, что внутри преступных групп мошенников уже существовало некое разделение профессиональных функций (в зависимости от криминальной квалификации): кто-то специализировался на непосредственном совершении преступления, кто-то отвлекал жертву и делил «добычу», а кто-то сбывал похищенное имущество. В расспросных листах по делу известного мошенника и вора Ваньки Каина значилось, что почти все преступники были так или иначе связаны друг с другом. При этом преступным промыслом лица занимались, как правило, в составе небольших групп (от 2 до 5 человек) [9], что, в свою очередь, указывает на формирование такого признака криминального профессионализма, как наличие преступных связей.

Как видим, в обозначенный период мошенничество не только выделяется в самостоятельную юридическую конструкцию, схожую с современным уголовно-правовым толкованием, но и в деятельности мошенников обнаруживаются отдельные признаки профессиональной преступности. Например, от-

мечается формирование криминальной субкультуры, укрепляются связи в преступной среде, а само криминальное «ремесло» воспринимается как постоянный источник дохода (мошенники занимались хищениями не от случая к случаю, а постоянно).

В XIX век, по справедливому замечанию С.Я. Лебедева, «криминальный мир вступил сплоченным, окрепшим и монолитным, имеющим возможности и силы противопоставлять себя закону и общественному порядку» [7, с. 96]. И очень важной частью этого сплоченного и монолитного мира становятся профессиональные мошенники. В общей структуре имущественной преступности в исследуемый период мошенничество имело значительный удельный вес. По замечанию известного российского правоведа дореволюционной России Е.Н. Анучина, в XIX веке больше половины осужденных – за мошенничество и кражи. По данным судебных приговоров в Сибирь в 1827–1846 гг. было сослано более 79 тыс. человек, 60 % из которых составляли имущественные преступники, 4/5 которых, в свою очередь, воры и мошенники [10, с. 20-25]. При этом 14 % рецидивистов от общего числа осужденных (в 1889–1893 гг.) составляли лица, привлеченные к уголовной ответственности за подлог, присвоение и мошенничество [11], что также указывает на систематичность преступной деятельности данной категории лиц, а значит, и на ее профессиональный характер.

Анализ положений действующего в данный период уголовного законодательства дает основание полагать, что именно в XIX веке впервые закон устанавливает при формулировании состава рассматриваемого преступления более строгую юридическую конструкцию. Несмотря на то, что проект Уголовного уложения 1813 г. не содержал понятия мошенничества [12, с. 51], под данным общественно опасным деянием нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (первого полноценного сборника уголовно-правовых норм) понимали похищение чужих вещей, денег, иного движимого имущества посредством обмана³. В Уголовном Уложении 1903 г. этот состав пре-

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Т. 15. Спб.: Деятель, 1912. С. 190.

ступления определялся несколько иначе. Объективная сторона основного состава этого преступления включала в себя несколько альтернативных действий, что позволяло более детально раскрыть сущность данного общественно опасного деяния.

Так, мошенничеством в начале XX века в России признавали: похищение, посредством обмана в количестве или качестве предметов при купле-продаже или иной возмездной сделке, а также с целью присвоения чужого движимого имущества; побуждение посредством обмана с целью доставить себе или иному лицу имущественную выгоду, к уступке права по имуществу или к вступлению в иную невыгодную сделку по имуществу⁴. Представленная диспозиция наиболее удачно описывала некоторые разновидности деятельности не только «рядовых», но и профессиональных мошенников.

Особо примечательно, что в рассматриваемый период отечественное законодательство впервые определяет более высокую степень уголовной ответственности за повторность мошенничества, что прямо указывает на значительную распространенность в обществе данного общественно опасного деяния, совершаемого систематически, или, другими словами, профессиональной основе. Закон предусматривал назначение соответствующих суровых наказаний за совершение мошенничества в третий раз и более трех раз (статьи 2182–2183 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., статьи 1672–1673 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г.)⁵. Судебный устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. также различал повторность совершения мошенничества и определял ее, как отягчающее обстоятельство (пункт 1 статьи 175)⁶. В Уголовном Уложении 1903 г. предусматривалось ужесточение наказания за повторное совершение мошенничества по отбытии двух, трех раз наказания за тождественное преступление или за кражу, разбой,

вымогательство (в течение 5 лет)⁷. Обратим особое внимание на то, что в 1903 г. уголовный закон уже не просто выделяет повторность, а уточняет, что к более высокой степени ответственности должны привлекаться лица, которые ранее были привлечены к ответственности именно за совершение преступлений корыстной и корыстно-насильственной направленности (кражу, разбой или вымогательство), либо за тождественное преступление. Полагаем, так законодатель пытался особо «выделить» лиц, которые занимаются преступной деятельностью с целью получения дохода, а это, в свою очередь, указывает на профессиональный характер такой общественно опасной деятельности.

Так, помимо уточнения признаков состава данного преступления в отечественном уголовном законодательстве XIX – начала XX века, дальнейшее развитие получает институт повторности мошенничества, что свидетельствует о борьбе с помощью правовых мер с деятельностью мошенников-профессионалов.

Отдельно укажем на то, что мошенники в обозначенный период уже имели свои криминальные специализации и необходимую преступную квалификацию. Юрист А.В. Лохвицкий в «Курсе русского уголовного права» утверждал, что мошенничество в это время разделялось на множество групп, каждая из которых характеризовалась особым способом хищения. Ученый подчеркивал: «Мошенники и воры в больших центрах разделяются на классы, каждый из них занимается обыкновенно одним видом кражи или мошенничества, который он изучил...» [13, с. 647]. Однако разделение профессиональных мошенников на соответствующие «классы» по признаку специализации произошло только в настоящее время.

Современные исследователи мошенников дореволюционного периода России разделяют на: «басманщиков», занимающихся «обманными» хищениями посредством использования вещевых, денежных «кукол»; «фармазовщиков», совершающих преступления с помощью поддельных драгоценностей; «менял» или «вздержчиков», использующих для совершения мошеннических дей-

⁴ Уголовное Уложение 1903 года. Спб.: Сенатская тип., 1903. С. 120.

⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Т. 15. Спб.: Деятель, 1912. С. 190.

⁶ Судебные уставы с изложением рассуждений, на коих они основаны. Второе дополнительное издание. Часть четвертая. Спб., 1867. С. 79.

⁷ Уголовное Уложение 1903 года. Спб.: Сенатская тип., 1903. С. 121.

ствий разменные крупные денежные купюры, а также некоторые иные «категории» преступников [14].

Особо уважаемым промыслом в среде профессиональных мошенников было карточное мошенничество. Распространение этой разновидности преступной деятельности было связано с увеличением в российском обществе маргинальных социальных групп, времяпрепровождение которых зачастую сводилось к азартным играм и пьянству [15]. А.И. Гуров справедливо отмечает, что в данный период среди профессиональных мошенников особо выделилась такая «категория» преступников, как «игроки» – «каста» карточных шулеров, которая занимала привилегированное положение в криминальном мире. Они имели межгубернские преступные связи, устойчивые вековые криминальные традиции и свои характерные способы совершения преступлений (например, обман жертвы при игре в карты с помощью подрезания краев карт, их крапления, наколок и т. д.) [14].

Указание на особо опасный характер деятельности профессиональных шулеров присутствует и в нормах уголовного законодательства представленного периода. Того, кто «в игре запрещенной или не запрещенной будет заведомо употреблять поддельные карты, кости и т. п., или давать играющим упоительные напитки или зелья, или перевернет или подменит карту или служащие для игры кости, или же вообще будет изобличен в каком-либо другом, для обыграния обмане», надлежало лишать всех особенных прав и преимуществ, ссылать на жительство в Сибирь, в отдаленные губернии, отдавать в исправительные арестантские отделения, заключать в тюрьму⁸. Отечественный дореволюционный правовед Л.С. Белгориц-Котляревский отмечал, что рассматриваемый состав преступления относился к квалифицированным, подчеркивая, что так называемый игорный обман происходил посредством подделки орудий игры (например, костей и карт), а равно и посредством их «шулерского употребления». Особо ученый выделял так называемых «шулеров по ремеслу» [16, с. 437], деятельность которых характеризи-

ровалась не иначе, как профессиональная преступная.

Отдельно подчеркнем, что вектор развития профессионального мошенничества значительно отличался от общего направления движения профессиональной преступности в дореволюционной России. По справедливому замечанию современников, мошенников-профессионалов в это время можно было отнести к элите преступного мира, высшей «аристократии». Как отмечал русский этнограф-беллетрист XIX века С.В. Максимов: «Если воровство преимущественно вербовало своих адептов в низших классах, то мошенничество зачастую отыскивало деятелей в высших сферах общества. Известного рода утонченность, ловкость, сноровка и прочие качества <...> всегда обязательны для мошенничества, которое тем неожиданнее, находчивее и поразительнее, чем чище вымыты руки, чем более развита и завита голова...» [17, с. 153]. Мошенники так же, как и фальшивомонетчики относились в это время к так называемой «интеллигенции» преступного мира [15]. Поскольку криминальная квалификация у профессиональных мошенников была достаточно высокая, а их преступное «ремесло» отличалось более интеллектуальным характером, их общественно опасная деятельность значительно отличалась от промысла традиционных дореволюционных преступников-профессионалов (например, профессиональных разбойников или воров), что, в свою очередь, делало рассматриваемую «касту» преступников более устойчивой.

Заключение

Таким образом, профессиональное мошенничество, как опасный криминальный промысел, в дореволюционной России имело свою собственную траекторию развития. Первоначально данный состав преступления отечественным законодателем не выделялся в самостоятельную юридическую конструкцию, и его отождествляли исключительно с кражей. Однако начиная с XVIII века в России мошенничество в уголовном законодательстве не просто становится самостоятельным составом преступления, но и выделяется в особую разновидность преступной деятельности, активно развивающуюся в формирующемся отечественном профессиональном

⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Т. 15. Спб.: Деятель, 1912. С. 190.

преступном мире. В XIX – начале XX века в деятельности мошенников все более четко обнаруживаются признаки криминального профессионализма. Профессиональные мошенники занимают «почетное» место в криминальной иерархии, становятся «элитой» отечественного криминалитета, приобретают узкие специализации и соответствующую квалификацию, необходимую для совершения преступлений и обеспечения собственной безопасности, неуязвимости от уго-

ловного преследования, а также значительно укрепляют связи в преступном мире, в том числе активно поддерживая и преумножая ценности криминальной субкультуры. Вследствие этого можно заключить, что профессиональное мошенничество, как разновидность профессиональной преступной деятельности, в России окончательно сложилось к началу XX века, влияя на вектор развития отечественного криминального мира в условиях новой советской действительности.

Список источников

1. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. М.: Рипол Классик, 1871. 289 с.
2. Калюжная А.П. Эволюция норм, предусматривающих ответственность за мошенничество // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2009. № 6. С. 104-107. <https://elibrary.ru/kzsioj>
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права: в 3 т. Киев, 1887. Т. 2. 236 с.
4. Еришов В.В., Сырых В.М. История суда и правосудия в России: в 9 т. М.: Норма, 2017. Т. 1. 688 с.
5. Матвиенко А.Е. История уголовного розыска. М.: Эксмо, 2021. 240 с.
6. Даль В.И. Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка // Вопросы языкознания. 1990. № 1. С. 134-137. <https://elibrary.ru/sfsxzz>
7. Лебедев С.Я. Традиции, обычаи и преступность. Теория, методология, опыт криминологического анализа. М.: Межрегиональный центр коммерческой безопасности, 1995. 167 с. <https://elibrary.ru/yvotyl>
8. Акельев Е.В. Московские мошенники XVIII в.: клички, язык и развлечения // Живая старина. 2007. № 1. С. 46-48. <https://elibrary.ru/jxkczz>
9. Акельев Е.В. Московские карманники: организация преступных групп в середине XVIII в. // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17). С. 161-167. <https://elibrary.ru/kxzcgd>
10. Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов. Материалы для уголовной статистики России. Спб., 1873. 508 с.
11. Елисеев С.А. Общие черты имущественных преступлений в царской России // Вестник ТГПУ. 2006. № 11 (62). С. 37-40. <https://elibrary.ru/judftd>
12. Безверхов А.Г., Коростелев В.С. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. 192 с. <https://elibrary.ru/ubcjxt>
13. Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. Спб.: Издание журнала Министерства юстиции, 1867. 671 с.
14. Гуров А.И. Профессиональная преступность: Прошлое и современность. М.: Юрид. лит., 1990. 301 с.
15. Калпинская О.Е. Особенности возникновения и развития организованной преступности в дореволюционной России // Юриспруденция. 2010. Т. 20. № 4. С. 103-108. <https://elibrary.ru/necbkt>
16. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев: Южно-Русское книгоиздательство, 1903. 618 с.
17. Максимов С.В. Сибирь и каторга: в 3 ч. Спб.: Тип. А. Траншеля, 1871. Ч. 2. 353 с.

References

1. Foinitskii I.Ya. (1871). *Moshennichestvo po russkomu pravu* [Fraud under Russian Law]. Moscow, Ripol Klassik Publ., 289 p. (In Russ.)
2. Kalyuzhnaya A.P. (2009). The evolution of norms providing for liability for fraud. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki = Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*, no. 6, pp. 104-107. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kzsioj>
3. Vladimirskii-Budanov M.F. (1887). *Khrestomatiya po istorii russkogo prava: v 3 t.* [Anthology on the History of Russian Law: in 3 vols.]. Kiev, vol. 2, 236 p. (In Russ.)
4. Ershov V.V., Syrykh V.M. (2017). *Istoriya suda i pravosudiya v Rossii: v 9 t.* [History of the Court and Justice in Russia: in 9 vols.]. Moscow, Norma Publ., vol. 1, 688 p. (In Russ.)

5. Matvienko A.E. (2021). *Istoriya ugovnogo rozyska* [History of Criminal Investigation]. Moscow, Eksmo Publ., 240 p. (In Russ.)
6. Dal' V.I. (1990). Usloynyi yazyk peterburgskikh moshennikov, izvestnyi pod imenem muzyki ili baikovogo yazyka [The conventional language of St. Petersburg swindlers, known under the name of music or fable language]. *Voprosy Jazykoznanija*, no. 1, pp. 134-137. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sfsxzzr>
7. Lebedev S.Ya. (1995). *Traditsii, obychai i prestupnost'. Teoriya, metodologiya, opyt kriminologicheskogo analiza* [Traditions, Customs and Crime. Theory, Methodology, Experience of Criminological Analysis]. Moscow, Mezhhregional'nyi tsentr kommercheskoi bezopasnosti Publ., 167 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yvoty1>
8. Akel'ev E.V. (2007). Moskovskie moshenniki XVIII v.: klichki, yazyk i razvlecheniya [Moscow swindlers of the 18th century: nicknames, language and entertainment]. *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 46-48. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jxkczz>
9. Akel'ev E.V. (2008). Moskovskie karmanniki: organizatsiya prestupnykh grupp v seredine XVIII v. [Moscow pickpockets: the organization of criminal groups in the mid-18th century]. *Novyi istoricheskii vestnik = New Historical Bulletin*, no. 1 (17), pp. 161-167. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kxzcgd>
10. Anuchin E.N. (1873). *Issledovaniya o protsente soslannykh v Sibir' v period 1827–1846 godov. Materialy dlya ugovnoi statistiki Rossii* [Research on the Percentage of People Exiled to Siberia in the Period 1827–1846. Materials for Criminal Statistics of Russia]. St. Petersburg, 508 p. (In Russ.)
11. Eliseev S.A. (2006). Obshchie cherty imushchestvennykh prestuplenii v tsarskoi Rossii [Common features of property crimes in tsarist Russia]. *Vestnik TGPU = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 11 (62), pp. 37-40. (In Russ.) <https://elibrary.ru/judftd>
12. Bezverkhov A.G., Korostelev V.S. (2013). *Proekt Ugolovnogo ulozheniya Rossiiskoi imperii 1813 goda* [The draft Criminal Code of the Russian Empire of 1813]. Samara, "Samara State University" Publ., 192 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ubcjxt>
13. Lokhvitskii A.V. (1867). *Kurs russkogo ugovnogo prava* [Course of Russian Criminal Law]. St. Petersburg, Izdanie zhurnala Ministerstva yustitsii Publ., 671 p. (In Russ.)
14. Gurov A.I. (1990). *Professional'naya prestupnost': Proshloe i sovremennost'* [Professional Crime: Past and Present]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 301 p. (In Russ.)
15. Kalpinskaya O.E. (2010). Osobennosti vozniknoveniya i razvitiya organizovannoi prestupnosti v dorevol'yutsionnoi Rossii [Peculiarities of the emergence and development of organized crime in pre-revolutionary Russia]. *Yurisprudentsiya*, vol. 20, no. 4, pp. 103-108. (In Russ.) <https://elibrary.ru/necbkt>
16. Belogrits-Kotlyarevskii L.S. (1903). *Uchebnik russkogo ugovnogo prava. Obshchaya i osobennaya chasti* [Textbook of Russian Criminal Law. General and Special Parts]. Kiev, South Russian Book Publ., 618 p. (In Russ.)
17. Maksimov S.V. (1871). *Sibir' i katorga: v 3 ch.* [Siberia and Hard Labor: in 3 pts]. St. Petersburg, A. Transhelya Typography, pt 2, 353 p. (In Russ.)

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 15.04.2024

Поступила после рецензирования / Revised 21.07.2024

Принята к публикации / Accepted 20.09.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)